

RU

Синтаксическое калькирование в германо-романском контакте: западнофламандский под влиянием французского

Ульяницкая Л. А.

Аннотация. В статье исследуется контактное влияние французского языка на западнофламандский идиом, в частности, анализируются синтаксические перестройки в сложных предложениях. Цель исследования – показать, что под воздействием французского языка синтаксическая система западнофламандского идиома претерпела изменения на уровне относительных и вопросительных местоимений. В статье рассмотрены французские относительные местоимения *qui*, *que* с усложненными вариантами *se qui* и *se que* и их аналоги в западнофламандском, а также проведена типологическая параллель со шведским языком. Научная новизна исследования состоит в применении биномиальной теории предложения к анализу контактных изменений в западнофламандском синтаксисе: впервые показано, что биномиальная теория позволяет объяснить механизм перераспределения функций относительных местоимений, а также выявить общегерманскую типологическую обусловленность возникновения сложных комплексов, включающих в себя относительные местоимения. В результате исследования установлено, что западнофламандский идиом под контактным влиянием французского перераспределил функции нидерландских местоимений *die/dat* между эксплицитным и инэмплицитным типами релятивизации подлежащего, а также выработал сложные местоименные комплексы (например, *wuk dat*), структурно и функционально аналогичные французским *se qui* / *se que* и скандинавским конструкциям с сохранением местоимения; тем самым западнофламандский предстаёт как языковая система, в которой германская основа вызывает предрасположенность к перестройке под романские синтаксические модели.

EN

Syntactic calquing in Germanic-Romance contact: West Flemish under French influence

L. A. Ulianitskaia

Abstract. The article investigates the contact influence of the French language on the West Flemish language variety, specifically analyzing syntactic restructuring in complex sentences. The aim of the study is to demonstrate that, under the influence of French, the syntactic system of the West Flemish language variety underwent changes at the level of relative and interrogative pronouns. The article examines the French relative pronouns “*qui*” and “*que*”, including their complex variants “*ce qui*” and “*ce que*”, alongside their counterparts in West Flemish, while drawing a typological parallel with the Swedish language. The scientific novelty of the study lies in applying the binominal sentence theory to the analysis of contact-induced changes in West Flemish syntax: for the first time, it is shown that the binominal theory accounts for the mechanism behind the redistribution of relative pronoun functions and reveals the Pan-Germanic typological conditioning for the emergence of complex structures containing relative pronouns. As a result of the study, it is established that under contact influence from French, the West Flemish idiom redistributed the functions of the Dutch pronouns “*die*” / “*dat*” between explicit and inexplicit types of subject relativization. Furthermore, it developed complex pronominal structures (such as “*wuk dat*”), which are structurally and functionally analogous to French “*ce qui*” / “*ce que*” and Scandinavian constructions featuring pronoun retention; thus, West Flemish emerges as a linguistic system whose Germanic base displays a predisposition toward restructuring in accordance with Romance syntactic patterns.

Введение

Западнофламандский идиом, германский по происхождению, тем не менее демонстрирует многочисленные романские черты, поскольку на протяжении столетий он развивался в условиях интенсивного и многоуровневого языкового контакта с французским. Этот контакт имеет как синхроническое, так и диахроническое

измерения: от средневекового периода, когда Фландрия входила в состав бургундских и французских владений, до современной ситуации, когда французский язык, будучи одним из трех официальных языков Бельгии (наряду с нидерландским и немецким) и официальным языком Франции, оказывает постоянное давление на германские региональные языки и диалекты, бытующие на территории бывшего графства Фландрия.

Языковое контактное влияние французского на западнофламандский предлагается определять как такой тип межъязыкового взаимодействия, при котором элементы французского (языка-донора) не просто заимствуются лексически, но провоцируют перестройку грамматических правил западнофламандского (языка-реципиента) на синтаксическом уровне.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими обстоятельствами. С 2021 года западнофламандский идиом обладает официальным статусом регионального языка Франции, а с 2022 года преподаётся в школах французской Фландрии; институциональное признание идиома требует научно обоснованного описания его структурных особенностей, отличающих его от стандартного нидерландского, без которого невозможны ни разработка учебных материалов, ни корректная кодификация нормы. При этом западнофламандский идиом во Франции находится под угрозой исчезновения, постепенно вытесняясь из всех сфер использования французским языком: фиксация синтаксических моделей, выработанных в ходе длительного контакта, становится насущной задачей: старшее поколение носителей уходит, и вместе с ними могут быть утрачены уникальные языковые данные.

Теоретическую базу исследования составили работы по контактной лингвистике S. G. Thomason, T. Kaufman (1988), по диалектологии и социолингвистике западнофламандского ареала H. Ryskeboer (1997; 2002; 2004; 2014), M. Devos, R. Vandekerckhove (2005), J. de Caluwe (2009), J. Taeldeman (2013), по генеративному синтаксису западнофламандского L. Haegeman (Haegeman, 1992; 2004), а также труды отечественных лингвистов, посвящённые теории семифинитива и биномиальной модели предложения: В. Я. Плоткин (1989), А. А. Шумков (2003), А. И. Смирницкий (2007), Л. С. Бархударов (2022).

В систематическом изучении западнофламандского ареала и его контактов с французским ключевую роль сыграли работы Х. Рэйкебура, крупнейшего специалиста по нидерландскому языку Северной Франции. Монография “Het Nederlands in Noord-Frankrijk” (Ryskeboer, 1997) содержит развёрнутый анализ социолингвистических, диалектологических и контактологических аспектов бытования нидерландского языка во французской Фландрии. Х. Рэйкебур доказывает: многовековое соседство с французским привело к лексическим заимствованиям и к глубинным грамматическим перестройкам. В работе “Frans-Vlaams” (Ryskeboer, 2004) ученый детально описывает нидерландские диалекты французской Фландрии и механизмы их взаимодействия с французским, выделяя несколько типов синтаксической конвергенции. В статье “Dutch/Flemish in the North of France” (Ryskeboer, 2002) особое внимание уделяется процессам языкового сдвига и постепенного вытеснения германских идиомов французским в департаменте Нор, а в главе “A West Flemish dialect as a minority language in the north of France” (Ryskeboer, 2014) подводятся актуальный итог: западнофламандский в Северной Франции находится в состоянии устойчивого сдвига в сторону французского, а носители демонстрируют высокую степень структурного смешения двух систем. Важный вклад в описание западнофламандской диалектной лексики и грамматики внесли М. Девос и Р. Ванкеркхове (Devos, Vandekerckhove, 2005): их работа содержит систематическое сопоставление бельгийских западнофламандских говоров со стандартным нидерландским и фиксирует ряд синтаксических калек с французского в конструкциях с относительными придаточными. Синтаксис западнофламандского, в особенности его левая периферия и механизмы удвоения, стал предметом детального исследования в работах Л. Хегеман, выполненных в рамках генеративной грамматики. В монографии 1992 года она анализирует удвоение подлежащего – явление, при котором в одной клаузе могут сосуществовать полное местоимение и клитика, – и проводит типологические параллели с романскими языками, включая французский (Haegeman, 1992). В более поздней работе (Haegeman, 2004) её внимание сосредоточено на удвоении посессора в западнофламандском. Й. де Калюве (Caluwe 2009), занимающийся социолингвистикой нидерландских диалектов в Бельгии и Северной Франции, отмечает, что билингвизм носителей западнофламандского с французским носит не ситуативный, а структурный характер и ведёт к глубокой грамматической конвергенции. Таким образом, описание западнофламандского как ареала, испытывающего интенсивное романское влияние, опирается на обширную традицию и ставит вопрос о природе этого влияния: идёт ли речь о субстратном, адстратном или конвергентном воздействии французского на германскую систему.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть функционирование французских относительных местоимений *qui*, *que* и их усложнённых вариантов *se qui*, *se que*;
- определить механизм перераспределения функций нидерландских местоимений *die/dat* в западнофламандском идиоме под влиянием французского языка;
- выявить и описать сложные местоименные комплексы (типа *wuk dat*), возникающие в западнофламандском идиоме;
- провести типологическое сопоставление западнофламандских конструкций со скандинавскими языками для определения общегерманской обусловленности рассматриваемого явления;
- применить аппарат биномиальной теории предложения для формального объяснения выявленных синтаксических изменений.

При решении поставленных задач использовались следующие методы исследования: метод контекстуального и структурно-синтаксического анализа для описания функционирования относительных и вопросительных местоимений; метод элицитации для сбора полевого материала у носителей идиома; сравнительно-

сопоставительный и типологический методы для сопоставления западнофламандских конструкций с французскими и скандинавскими; метод лингвистического моделирования в рамках биномиальной теории предложения для формального описания глубинной структуры члена предложения.

Материалом исследования послужили, с одной стороны, труды зарубежных нидерландистов и диалектологов, зафиксировавшие западнофламандские конструкции с относительными и вопросительными местоимениями (Ryckboer, 2004; Vriendt, 2004), а с другой – полевые материалы, собранные автором самостоятельно. Полевая часть исследования базируется на материале, собранном автором в сентябре 2025 и феврале 2026 года. Сбор материала проводился: в округе Дюнкерк (Франция) для западнофламандского идиома и в Брюсселе для брюссельского фламандского, демонстрирующего типологически схожие синтаксические процессы. В качестве респондентов привлекались билингвы (западнофламандский / брюссельский фламандский + французский) в возрасте 60–70 лет, для которых исследуемый идиом является родным с детства. Примеры, приводимые в статье, ограничены данными четырех информантов: трех носителей западнофламандского и одного носителя брюссельского фламандского. Примеры, записанные непосредственно от информантов, сопровождаются пометой [Информант 1], [Информант 2] и т. д.

Практическая значимость исследования заключается в разработке и апробации универсального формального инструментария, основанного на биномиальной теории предложения, который позволяет верифицируемо описывать глубинные синтаксические перестройки в условиях интенсивного асимметричного языкового контакта. Выявленные критерии могут быть экстраполированы на другие германо-романские и шире – индоевропейские контактные ареалы, что делает их востребованными в типологических и ареальных исследованиях, а также при создании сравнительных грамматик. Кроме того, полученные модели применимы в корпусной лингвистике для автоматической аннотации синтаксических конструкций и верификации перевода, а в социолингвистическом контексте – для отслеживания стадий языкового сдвига по формальным синтаксическим маркерам. Наконец, результаты работы могут быть включены в учебные курсы по контактной лингвистике, синтаксической типологии и германистике в качестве наглядного примера того, как адстратное влияние перестраивает не только лексику, но и фундаментальные механизмы построения предложения.

Обсуждение и результаты

Западнофламандский идиом – одна из наиболее самобытных и архаичных групп южнонидерландских диалектов, входящих в континентальную ветвь западногерманских языков; его ареал охватывает бельгийскую провинцию Западная Фландрия (с центром в Брюгге), прилегающие районы французской Фландрии (департамент Нор, особенно округ Дюнкерк) и небольшую часть нидерландской провинции Зеландия (Зеландская Фландрия). Однако эмпирическим фокусом настоящего исследования является исключительно вариант, бытующий на территории Франции. Именно здесь контактное влияние французского языка наиболее интенсивно и приводит к самым ярким синтаксическим перестройкам. Бельгийские западнофламандские говоры не рассматриваются в работе как объект анализа; единственным бельгийским материалом, привлекаемым для типологических параллелей, служат данные брюссельского фламандского, демонстрирующие сходные процессы синтаксической конвергенции.

В диалектологическом плане внутреннюю структуру западнофламандского ареала принято описывать на двух уровнях. На уровне географической классификации, основанной на пучках изоглосс, выделяют три крупные зоны: северо-западную, западную и континентальную западнофламандскую (Dialectloket). Эти зоны разграничиваются прежде всего на основании фонологических и лексических изоглосс и отражают реальные внутренние границы идиома. На типологическом уровне исследователи выделяют приморские диалекты (*kustdialecten* или *Kust-West-Vlaams*) как особую группу, образующую северную периферию западнофламандского ареала, простирающуюся вдоль побережья Северного моря от Дюнкерка до Зеландской Фландрии и объединённую комплексом ингвеонских черт, сближающих их с зеландскими и нидерландскими диалектами. Городские варианты Брюгге, Кортрейка и Ипра не образуют отдельного субареала в строгом диалектологическом смысле, однако представляют собой социолингвистически значимые точки, в которых фиксируется специфическое соотношение архаичных диалектных черт. Общее число носителей западнофламандского идиома оценивается приблизительно в 1,1 миллиона человек (~1,1 млн. в Бельгии, ~40000 во Франции), хотя степень активного владения идиомом существенно варьируется в зависимости от возраста и места проживания носителей: среди городской молодёжи в Бельгии фиксируется заметный сдвиг в сторону стандартного нидерландского языка или туссентаала (от *tussentaal* – букв. «промежуточный язык») и в сторону французского во Франции, тогда как сельские районы сохраняют более архаичный диалектный облик (Ghyselen, 2016). С фонологической точки зрения западнофламандский выделяется рядом консервативных черт, отличающих его как от литературного нидерландского, так и от соседних фламандских диалектов. Именно периферийное положение западнофламандского ареала, отдалённое от брабантского культурного и языкового центра, обусловило относительную консервативность его фонологической системы (Dialectloket). Лексический фонд идиома демонстрирует значительный пласт романских заимствований, проникших в западнофламандские говоры в эпоху интенсивных торговых и культурных контактов фландрских городов со своими южными соседями.

В этой статье намеренно используется термин западнофламандский идиом, так как с чисто лингвистической точки зрения западнофламандский определяется как южный диалект нидерландского языка, в Бельгии

также принято называть его диалектом или группой диалектов, а во Франции с 2021 года западнофламандский обладает официальным статусом регионального языка. Вслед за этим признанием французское Министерство образования включило западнофламандский в число региональных языков, преподавание которых может вестись в государственных школах. На 2026 год около 20 школ региона предлагают изучение западнофламандского. Программа является факультативной, но сам факт её введения в школах французской Фландрии говорит о том, что признание языка перешло из декларативной плоскости в практическую – речь идёт о реальных усилиях по сохранению и передаче идиома новым поколениям.

В отличие от субстратного влияния, которое действует на ранних этапах формирования языка, контактное влияние может не быть ограниченным временными рамками и проявляться как в устоявшихся языковых моделях, так и в спонтанных речевых высказываниях билингвов. Более того, в ситуации с западнофламандским идиомом речь не может идти о субстратном французском влиянии, так как германские племена расселились на берегах Северного моря задолго до появления на этих территориях французского языка. Французский вполне можно считать адстратом по отношению к западнофламандскому: его влияние носит перманентный характер, и это не следствие единовременной миграции или завоевания, а постоянный синхронный механизм, работающий в условиях массового функционального билингвизма.

Длительное адстратное взаимодействие порождает то, что в современной контактной лингвистике определяется как конвергентная зона. Как показывают С. Г. Томасон и Т. Кауфман (Thomason, Kaufman, 1988), интенсивный длительный контакт при высоком функциональном давлении доминантного языка способен привести к грамматическому заимствованию. В рассматриваемом случае доминантный французский представляет структурные модели, а западнофламандский, сохраняя германский лексический строй, перестраивает под эти модели собственную синтаксическую систему. Именно поэтому данный случай квалифицируется не как субстратный перенос или чисто адстратное заимствование лексем, а как адстратно-обусловленное синтаксическое переструктурирование – феномен, характерный для языков, длительное время функционирующих в едином коммуникативном пространстве.

Наиболее заметные сдвиги в западнофламандском идиоме затрагивают именно субстантивную сферу синтаксиса – прежде всего подлежащее. Для их описания требуются строгие формальные модели, применимые к общендоевропейской ситуации, которые бы позволили говорить о единых глубинных структурах, лежащих в основе романской и германской синтаксических систем.

Ключевым понятием для объяснения глубинной структуры члена предложения оказался семифинитив, термин, введенный в свое время В. Я. Плоткиным (1989) для описания устройства составного модального глагольного сказуемого в английском языке (с обращением к непреложным и убедительным историческим фактам). Претерито-презентный глагол и приинфинивная частица оказались уравниены по синтаксической функции. А. А. Шумков (2003) распространил понятие семифинитива на субстантивную сферу для объяснения функционирования формальных подлежащих *it* и *there*. В итоге появились дополнительные основания полагать, что в английском языке сформировалось не только составное модельное глагольное сказуемое, но и составное (модальное субстантивное) подлежащее. Этот подход перекликается с идеями, высказанными А. И. Смирницким (2007) и Л. С. Бархударовым (2022). Оба исследователя указывали на особый статус формального подлежащего в английском языке – элемента, лишённого самостоятельного референциального содержания, но синтаксически обязательного. Введение понятия субстантивного семифинитива позволяет описать этот феномен в рамках единой биномиальной модели.

Отметим, что термин семифинитив не получил широкого распространения в международной лингвистической традиции и используется преимущественно в рамках отечественного германистического дискурса. В зарубежных исследованиях синтаксиса явления, относимые к формальному подлежащему, рассматриваются в рамках концепций формального субъекта (expletive subject), экзистенциальной конструкции и теории согласования комплементаризера с подлежащим (complementizer agreement). Систематизацию этих явлений для германских диалектов см. в работе Л. Хегеман (Haegeman, 1992), а обзор типологических данных – в главе ван Коппен (Koppen, 2020) в Cambridge Handbook of Germanic Linguistics.

Семифинитив – это элемент, который наряду с уточнителем отвечает за образование глагольного или субстантивного члена предложения. Субстантивный семифинитив может иметь разную степень «заполненности»: от полностью эксплицитного до полностью инэксплицитного (разыскиваемого или резервируемого) или имплицитного (подразумеваемого). В настоящей работе инэксплицитный семифинитив обозначается символом $\emptyset$, а имплицитный – символом $\emptyset'$. Подлежащее, построенное на эксплицитном, имплицитном или инэксплицитном семифинитиве, несмотря на всегдашнюю эксплицитность уточнителя, также считается эксплицитным, имплицитным или инэксплицитным.

Различаются:

- сверхслабый субстантивный семифинитив – вводит инфинитивную или герундиальную субстантивную единицу; *it is difficult to explain grammar* ‘сложно объяснять грамматику’;
- слабый субстантивный семифинитив – вводит неопределённую субстантивную единицу; *there is an explanation for grammatical events* ‘существует объяснение для грамматических явлений’;
- сильный семифинитив – вводит определённую субстантивную единицу; *these grammatical events can be explained* ‘эти грамматические явления могут быть объяснены’.

В германских языках, включая стандартный нидерландский, функционирование сверхслабых, слабых и сильных семифинитивов подчиняется строгим правилам, которые также действуют, с известными ограничениями, и в романских языках.

Для понимания синтаксических изменений в западнофламандском обратимся сначала к некоторым особенностям французского языка. Мы заметили, что французские относительные (а также вопросительные) местоимения *qui* и *que* демонстрируют фундаментальное различие в своей информативности, которое напрямую влияет на «заполненность» субстантивного семифинитива.

Qui – максимально информативный элемент, поскольку может маркировать все возможные сочетания лица и числа и требует, чтобы субстантивный семифинитив был инэксплицитным. Иными словами, в конструкции типа *Je vois l'homme qui g vient* (Я вижу человека, который идет) относительное местоимение *qui* уже несет множество информации и подлежащее строится на инэксплицитном семифинитиве, который, по всей видимости, является сильным.

Que, напротив, является минимально информативным элементом, поскольку может маркировать лишь третье лицо в сочетании с единственным или множественным числом и требует, чтобы субстантивный семифинитив был эксплицитным. В конструкции *Je vois la maison que Pierre construit* (Я вижу дом, который строит Пьер) подлежащее строится на эксплицитном семифинитиве, который, вводя определенную субстантивную единицу, является сильным.

Это различие в информативности проявляется и в вопросительных предложениях:

Qui voit g Pierre? (Кто видит Пьера?) – *qui* затребовал инэксплицитное подлежащее.

Qu'est-ce qui voit g Pierre? (Что видит Пьера?) – *que* затребовал эксплицитное подлежащее.

Более того, в зависимых предложениях разная степень информативности относительных местоимений приводит к возникновению сложных комплексов. Так, элемент *que*, требующий эксплицитного семифинитива, в случае релятивизации (резервирования) подлежащего трансформируется в элемент *se qui*, где *qui* обеспечивает инэксплицитность, а *se* – эксплицитность семифинитива:

Je sais se qui g est perdu (Я знаю, что потеряно).

В случае релятивизации (резервирования) дополнения при эксплицитном подлежащем элемент *que* трансформируется в элемент *se que*, где *que* обеспечивает эксплицитность семифинитива, образующего подлежащее, а *se* – эксплицитность семифинитива, образующего дополнение:

Je sais se que Pierre voit g (Я знаю, что видит Пьер).

Тем самым, относительное местоимение *que* требует эксплицитности относящегося к нему семифинитива вне зависимости от своего падежного оформления.

Все вышесказанное не относится к французскому союзу *que* и его нидерландскому аналогу *dat*.

Эти французские правила, отточенные веками, могут действовать и в отношении западнофламандского синтаксиса.

Весьма показательными в плане информативности вопросительных и относительных местоимений являются нидерландские конструкции с эксплетивом *er*, который в биноминальной теории получает статус сильного пространственного уточнителя. В стандартном нидерландском уточнитель *er* часто используется при образовании имплицитного подлежащего: *Er g' wordt gedanst* (Танцуют).

Присутствие или отсутствие *er* напрямую связано с информативностью вопросительного или относительного элемента, который может быть местоимением или более сложным комплексом. Так, например, вопросительный элемент *welke boeken* (какие книги) является более информативным, чем *wat* (что) или *wie* (кто), поскольку он сужает круг поиска до конкретного класса предметов во множественном числе. Следовательно, *welke boeken* способен выполнять усилительную (конкретизирующую) функцию, схожую с усилительной функцией *er*.

Это приводит к следующему распределению:

– Конструкции с *wat* и *wie* чаще включают в себя *er*: *Wat wordt er g verloren?* (Что теряется?).

– Конструкции с вопросным элементом типа *welke boeken*, наоборот, обычно обходятся без *er*: *Welke boeken worden g verloren?* (Какие книги теряются?). – Высокая информативность вопросного элемента делает *er* избыточным.

В присутствии *er* субстантивный семифинитив является слабым.

Во французском языке сильный пространственный уточнитель отсутствует и основное различие в информативности остается за элементами *qui* и *que*. Это различие передается и в западнофламандский идиом.

В стандартном нидерландском языке, как и в немецком, относительные местоимения согласуются с антецедентом в роде и числе: *het huis dat* (дом, который – средний род, единственное число), *de toren die* (башня, которая – женский/мужской род, единственное число). Однако в западнофламандском идиоме встречается систематическое отклонение от этой нормы, которое скорее всего объясняется контактным влиянием французского языка.

– Стандартный нидерландский: *het paard dat g daar loopt* (лошадь, которая там бежит).

– Западнофламандский: *'t peerd die g doo loopt*

– Стандартный нидерландский: *de man die ik ontmoet heb* (человек, которого я встретил).

– Западнофламандский: *de man dan 'k egenekommen en* (Ryckeboer, 2004, p. 74).

В первом случае элемент *die* (который в стандарте требует мужского или женского рода) употребляется со средним родом (*'t peerd*), а во втором – *dan* (средний род) употребляется с мужским родом (*de man*). На первый взгляд, это выглядит как обычная морфологическая ошибка или смешение родов. Но причина глубже.

В западнофламандском, под влиянием французской тенденции противопоставлять *qui* (максимально информативный, требует инэксплицитного семифинитива) и *que* (минимально информативный, требует эксплицитного семифинитива), происходит перераспределение функций относительных местоимений *die* и *dat*. Элемент *die* начинает вести себя как французский *qui*: он требует, чтобы семифинитив в зависимом предложении был инэксплицитным. Элемент *dat* ведет себя как французский *que*: требует эксплицитного семифинитива.

Это перераспределение не зависит от грамматического рода антецедента – оно определяется исключительно синтаксической позицией и степенью информативности относительного местоимения. Именно поэтому получаются конструкции, которые с позиций стандартной нидерландской нормы являются аномальными, но внутри западнофламандской системы, перестраиваемой под французский образец, обретают строгую логику.

Особенно показательно появление в южных вариантах нидерландского языка сложных комплексов, в состав которых входят относительное местоимение и союз *dat*. Приведем примеры из западнофламандского, распространенного во Франции:

'K weeten wuk datter g nog goat gebeuren (Я знаю, что ещё произойдет) [Информант 1].

Hejje verstoan wuk dajje moet doen? (Ты понял, что ты должен сделать?) [Информант 1].

'K willen weeten wuk da Pierre ziet (Я хочу знать, что видит Пьер) [Информант 1].

В стандартном нидерландском такое двойное маркирование (*wie dat, wat dat, hoe vaak dat*) является грубой ошибкой. Однако в западнофламандском, а также в других диалектах и промежуточном языке тюссентаал оно систематично (Devos, Vandekerckhove, 2005). Тюссентаал в последние десятилетия становится доминирующим регистром неформальной устной коммуникации в Бельгийской Фландрии, и его отличительные синтаксические особенности – в том числе сложные комплексы с относительными местоимениями – отражают давнее романское давление на германскую грамматическую систему (Caluwe, 2009). Для объяснения происхождения этой модели необходимо обратиться к ее сопоставлению с французскими синтаксическими конструкциями, в первую очередь с комплексами *ce qui* и *ce que*.

В западнофламандском идиоме французские конструкции несколько изменяются (но не в структурном плане): функция, аналогичная выполняемой французским *ce*, передается, например, *wuk*, а функция *qui/que* сохраняется в *da*. Организуется особая синтаксическая схема: относительное местоимение *wuk* + *da* и подлежащее, построенное на инэксплицитном или эксплицитном семифинитиве. Важно отметить, что в западнофламандском идиоме также встречаются конструкции, практически идентичные французским:

Je sais ce que tu veux – *'K weeten 't gonde dat je wilt hen* (Я знаю, что ты хочешь) [Информант 2].

Je sais ce que tu fais – *Ik weeten het geene dat je doet* (Я знаю, что ты делаешь) [Информант 3].

Здесь функция, аналогичная выполняемой французским *ce*, передается с помощью *'t geene* или *'t gonde* (*gonne*), которые также имеют местоименную природу.

Эти случаи уже нельзя отнести к лексическим заимствованиям или заимствованиям морфологических схем – это заимствование синтаксической схемы, то есть глубинного принципа построения предложения.

Сходная синтаксическая конвергенция фиксируется и в брюссельском фламандском – городском диалекте, который сложился в Брюсселе и в XX веке утратил большую часть своих носителей из-за интенсивной романизации столицы. Исторически брюссельский фламандский восходил к брабантскому диалекту, который в XIX–XX веках испытал мощное французское воздействие, приведшее к масштабной перестройке фонетики, лексики и грамматики. Как отмечает Р. Виллемейнс (Treffers-Daller, Willemyns, 2002, p. 36–49), в Брюсселе происходил интенсивный языковой сдвиг в сторону французского языка, что привело к постепенной утрате фламандским диалектом публичных функций и к его вытеснению в частную сферу. Конкретные структурные последствия этого контакта – многочисленные лексические заимствования и отдельные синтаксические влияния – подробно описаны Ж. Трефферс-Даллер (Treffers-Daller, Willemyns, 2002, p. 50–64). С. де Фринд (Vriendt, 2004, p. 84) на материале записей речи носителей брюссельского диалекта показывает, что в придаточных предложениях брюссельского фламандского устойчиво используются сложные комплексы с относительными местоимениями – прежде всего модели типа *wa' da'*, *die da'*, *waar da'*, воспроизводящие французские конструкции: такое усложнение, нетипичное для стандартного нидерландского, очевидно является результатом прямого синтаксического калькирования. Примечательно, что информант, опрошенный автором этой статьи, при переводе предложений типа *Je sais ce que tu veux* и *Je sais ce qui s'est passé* также прибег к конструкциям со сложным комплексом: *'K weit wa' da' ge wilt* [Информант 4] и *'K weit wa' da' er vuigevallen es* [Информант 4] соответственно, – что подтверждает системный характер описываемого явления и его живое бытование в брюссельском узусе.

Аналогичные тенденции к использованию сложных комплексов с относительными местоимениями отмечаются и в других германских языках, но уже без очевидного романского влияния. Например, в зависимых предложениях шведского языка подлежащие с разыскиваемым инэксплицитным семифинитивом в обязательном порядке заменяются на подлежащие с эксплицитным семифинитивом *som*:

– Нидерландский: *Ik wil weten wie g Pierre ziet* (Я хочу знать, кто видит Пьера).

– Шведский: *Jag vill veta vem som ser Pierre*.

Такой же замене подвергаются резервируемые инэксплицитные подлежащие:

– Нидерландский: *Ik weet welke boeken g verloren worden* (Я знаю, какие книги теряются).

– Шведский: *Jag vet vilka böcker som blir förlorade*.

– Нидерландский: *Pierre ziet boeken die g op de tafel liggen* (Пьер видит книги, которые лежат на столе).

– Шведский: *Pierre ser böcker som g/som ligger på bordet*.

Последняя конструкция (с *som*) употребляется крайне редко, видимо, вступает в действие информативность антецедента – чем более он информативен, тем менее возможна замена инэксплицитного семифинитива на эксплицитный.

В стандартном нидерландском языке семифинитив остается инэксплицитным. То же самое, насколько можно судить, справедливо и для западнофламандского. Подтверждением этому является существование конструкций типа *'K weeten wuk datter g nog goat gebeuren*, где наличие сильного пространственного уточнителя *er*

сигнализирует о вхождении в состав подлежащего слабого субстантивного семифинитива, несомненно инэксплицитного. Весьма показательным является также стяжение *er* с союзом *dat* – по аналогии с местоименным подлежащим.

Однако процессы, происходящие в зависимых предложениях скандинавских языков, могут явиться причиной закрепления комплекса «антецедент – относительное местоимение – подлежащее» во всей германской системе. Такой же комплекс, как было показано выше, характерен и для романской системы. Оба эти фактора являются решающими для появления в западнофламандских зависимых предложениях соответствующих конструкций, но несколько модифицированных – «относительное местоимение (в роли антецедента) – союз (в роли относительного местоимения) – подлежащее». Такие конструкции встречаются и в других вариантах нидерландского языка – южных и даже северных, но в идиомах, активно контактирующих с романской системой, они наиболее вероятны.

Заключение

Западнофламандский – уникальный пример германского идиома, который испытывает интенсивное контактное давление со стороны романского (прежде всего французского) окружения. Это давление не сводится к лексике: оно проникает в грамматический строй и затрагивает синтаксические механизмы. Одним из каналов такого структурного переноса выступает переосмысление французского противопоставления по информативной значимости относительных местоимений *qui* и *que*, которое находит своё отражение в западнофламандских коррелятах *die* и *dat*. Этот перенос ведёт к фундаментальной перестройке системы семифинитивов: максимально информативный элемент требует инэксплицитного семифинитива, тогда как минимально информативный, напротив, требует, чтобы семифинитив был эксплицитным. Показательно, что правило, которое во французском языке является конститутивным, то есть органически присущим самой его грамматической структуре, в западнофламандском усваивается как заимствованная синтаксическая модель, функционирующая уже на иной языковой почве.

Особого внимания заслуживает появление сложных комплексов, включающих в себя относительные местоимения, таких как *wie dat*, *wat dat* и им подобных конструкций, – этот факт указывает на то, что контактное влияние затронуло не только поверхностные синтаксические структуры, но и самые глубинные механизмы построения предложения. Избыточный *dat*, возникающий в этих конструкциях, следует рассматривать не как случайный плеоназм, а как прямой функциональный аналог французских *qui* и *que* в различных падежных оформлениях. При этом сравнение с северогерманскими языками, в частности с шведским, показывает, что внутри германской группы существует тенденция к эксплицитному выражению подлежащего, то есть к образованию сложных комплексов, включающих в себя относительное местоимение, и это обстоятельство «помогает» южнонидерландским диалектам получить специфическое романское оформление.

Западнофламандский идиом предстаёт как вполне самостоятельная языковая система, обладающая собственной внутренней логикой и типологической оригинальностью. Германская основа и романское структурное давление не просто сосуществуют в нём как разнородные слои – они вступают в сложное взаимодействие, порождая новую грамматическую конфигурацию, которая не поддаётся исчерпывающему объяснению ни изнутри одного из этих языков в отдельности, ни в рамках традиционного понятия лексического или морфологического заимствования. Этот факт имеет как теоретическое, так и общелингвистическое значение: он наглядно демонстрирует возможность глубокого синтаксического калькирования, возникающего в условиях интенсивного и длительного асимметричного контакта. В качестве перспективных направлений дальнейшего исследования представляется сравнительное изучение параллельных синтаксических процессов в других германо-романских контактных зонах Европы, что даст возможность оценить степень уникальности описанного явления и его типологическую распространённость.

Материалы исследования | Research materials

1. Dialectloket – West-Vlaams. <https://www.dialectloket.be/tekst/dialectologie/dialecten-in-de-zuidelijke-nederlanden/west-vlaams/>
2. Ryckeboer H. Frans-Vlaams. Tielt: Lannoo, 2004. https://www.dbnl.org/arch/ryck002fran01_01/pag/ryck002fran01_01.pdf
3. Vriendt S. de. Brussels. Tielt: Lannoo, 2004. https://www.dialectloket.be/wp-content/uploads/2014/06/vrie005-brus01_01.pdf

Источники | References

1. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М.: URSS, 2022.
2. Плоткин В. Я. Строй английского языка. М.: Высш. шк., 1989.
3. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. Изд-е 2-е, испр. / под ред. В. В. Пассека; предисл. О. А. Смирницкой. М.: URSS, 2007.
4. Шумков А. А. Некоторые особенности упорядоченности языковых образов глагольных и субстантивных единиц. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2003.

5. Caluwe J. de. Tussentaal wordt omgangstaal in Vlaanderen // *Nederlandse Taalkunde*. 2009. Vol. 14. No. 1. <https://doi.org/10.5117/NEDTAA2009.1.TUSS339>
6. Devos M., Vandekerckhove R. *West-Vlaams*. Tielt: Lannoo, 2005.
7. Ghyselen A.-S. From diglossia to diaglossia: A West Flemish case-study // *The Future of Dialects: Selected Papers from Methods in Dialectology XV* / eds. M.-H. Côté, R. Knooihuizen, J. Nerbonne. Berlin: Language Science Press, 2016.
8. Haegeman L. DP-Periphery and Clausal Periphery: Possessor Doubling in West Flemish // *Peripheries: Syntactic Edges and their Effects* / eds. D. Adger, C. de Cat, G. Tsoulas. Dordrecht: Kluwer, 2004. https://doi.org/10.1007/1-4020-1910-6_9
9. Haegeman L. *Theory and Description in Generative Syntax: A Case Study in West Flemish*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
10. Koppen M. van. Complementizer Agreement // *The Cambridge Handbook of Germanic Linguistics* / eds. M. Putnam, B. R. Page. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108378291.015>
11. Ryckeboer H. Dutch/Flemish in the North of France // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2002. Vol. 23. No. 1-2. <https://doi.org/10.1080/01434630208666452>
12. Ryckeboer H. *Het Nederlands in Noord-Frankrijk: sociolinguïstische, dialectologische en contactlinguïstische aspecten*. Gent: Vakgroep Nederlandse Taalkunde, Universiteit Gent, 1997.
13. Ryckeboer H. A West Flemish dialect as a minority language in the north of France // *Language and Space: Dutch* / eds. F. Hinskens, J. Tældeman. Berlin: De Gruyter, 2014.
14. Tældeman J. The classification of the dialects of Dutch // *Language and Space: Dutch* / eds. F. Hinskens, J. Tældeman. Berlin: De Gruyter, 2013. <https://doi.org/10.1515/9783110261332.129>
15. Thomason S., Kaufman T. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley: University of California Press, 1988. <https://doi.org/10.1525/9780520912793>
16. Treffers-Daller J., Willemyns R. *Language Contact at the Romance-Germanic Language Border*. Clevedon: Multilingual Matters, 2002. <https://doi.org/10.21832/9781853596711>

Информация об авторах | Author information

RU**Ульяницкая Любовь Александровна¹**, к. филол. н., доц.¹ Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)**EN****Liubov Alexandrovna Ulianitskaia¹**, PhD¹ Saint Petersburg Electrotechnical University¹ ulianitskaia_liubov@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.07.2026; опубликовано online (published online): 07.08.2026.

Ключевые слова (keywords): западнофламандский идиом; синтаксическое калькирование; языковой контакт; относительные местоимения; биномиальная теория предложения; West Flemish language variety; syntactic calquing; language contact; relative pronouns; binominal sentence theory.